

СЕМИНА Анна Андреевна, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова*

«РАСПАД» В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА И СЕРГЕЯ ЧУДАКОВА: ГЕНЕТИКА ФРАГМЕНТАРНОСТИ

В статье рассматривается, как воплотился мотив распада в творчестве Г. Иванова и С. Чудакова, а также приводятся доказательства и предпосылки влияния первого на последнего. Родственность мироощущения поэтов была несомненной: проживая в Советском Союзе, С. Чудаков фактически оставался «внутренним» эмигрантом, выбравшим амплуа «лишнего человека» эпохи, а Г. Иванов был «первым поэтом эмиграции». Неизбывное одиночество и ситуация «без читателя» во многом предопределили не только фрагментарность лирического выражения поэтов, но и их отказ от заглавий большинства стихотворений. Поэтика С. Чудакова при этом обнаруживает склонность к коллажу, а строки нередко представляют собой набор слов, связанных фонетически либо ассоциативно. «Распад» осмысливается обоими поэтами в качестве лейтмотива нового времени – эпохи «водородных бомб» и «восстания масс». В подобных условиях мотивы физического разложения, хрупкости и болезненности становятся неотъемлемыми спутниками погибшей «пушкинской России» и личности, для которой она остается по-прежнему значимой. Советский дискурс в поэзии авторов является объектом пародии, что осуществляется посредством столкновения и взаимного обесмысливания разнообразных клише и лозунгов в пределах одного высказывания. Чрезвычайно важным для лирических героев Г. Иванова и С. Чудакова оказывается чувство любви: с одной стороны, оно позволяет герою сохранить собственную индивидуальность и преодолеть физическую смерть, с другой – дает ему острее ощутить последствия тотального распада и прозреть изнаночную сторону жизни. В поэзии С. Чудакова данный мотив приобретает трагические обертоны, поскольку встреча героя с героиней в безликой толпе так и не смогла осуществиться.

Ключевые слова: Г. Иванов, С. Чудаков, мотив распада, фрагментарность.

В 1937 году родился русский поэт Сергей Чу-
даков, а другой русский поэт, уже состоявшийся,
написал «Распад атома» – произведение, только

на первый взгляд неожиданное для автора «Ве-
реска», «Роз» и «Садов». «...Вниз по темной реке
уплывая в бесцветном пальто, / чьи застежки

---

*Адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ), филологический факультет; e-mail: seminaaa@yandex.ru

Для цитирования: Семина А.А. «Распад» в творчестве Георгия Иванова и Сергея Чудакова: генетика фрагментарности // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 128–137. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.128

одни и спасали тебя от распада»¹, – отозвался Иосиф Бродский на гибель (как оказалось, мнимую) Сергея Чудакова в 1973 году. Совпадения не случайны: именно Георгия Иванова Чудаков ощущал как наиболее близкого себе автора – и в мировосприятии, и в поэтике. Склонность к фрагментарности, возможно, также перешла к нему по наследству от «первого поэта эмиграции». В данной статье мы попытаемся проследить, какую роль сыграл мотив распада в творчестве Г. Иванова и С. Чудакова и как он реализуется поэтами на самых разных уровнях построения художественного текста.

Нарочитая маргинальность и неприятие советского строя сближали мироощущение С. Чудакова с эмигрантским мироощущением Г. Иванова: «Останусь псевдонимщиком и негром² / Сожженной пробкой нарисую грим / Просуществую каторжником беглым / От плоти толп ничуть неотделим...»³ (ср.: «В каторге я изнываю, / Черным дням ведаю подсчет...»⁴). Присутствуют в поэзии Чудакова и примеры самоотождествления с опытом Г. Иванова:

Даром вылетел из грани я
умираю пышно добровольного изгнания
догорают письма...⁵

«Пышное» умирание представляет собой аллюзию на «Посмертный дневник», не однажды преломившийся в стихах Чудакова.

Анализируя стихотворение Г. Иванова «Злой и грустной полоской рассвета...»⁶, А.И. Чагин отмечает, что «обостренный лиризм в стихотворении Г. Иванова подчеркнут и самим строем поэтической речи в первой строфе. Приглядимся

к ней – синтаксис ее неполон, усечен, фраза лишена естественного начала, мысль выхвачена как бы на взлете, на середине своего развития... Неполная высказанность поэтического размышления, его “свернутость”, фрагментарность, когда ясно подразумеваемые моменты своеобразно опущены – все это придает строке облик торопливой, сиюминутной записи “для себя”...» [1, с. 70].

Данные наблюдения перекликаются с воспоминаниями современников Чудакова, отражающими его представления о том, какой должна быть поэзия «эпохи синхрофазотронов» [2]: «Мы с ним спорили: вот он дает мне какие-то стихи, а я говорю: “Это еще не стихи, это только обломок, схваченный, но не имеющий пока ценности образ”. – Нет! Это огонь! <...> Он считал, что поэзия распалась и писать можно только одностроки...» [3, с. 302].

Фрагментарность лирического выражения сразу наводит на мысль об отрывке, в свете которого лирика Г. Иванова уже отчасти была нами рассмотрена [4]. В качестве характерных графических черт отрывка Е.И. Зейферт называет «пропуски текста», «начальную и финальную неполные строки», «начальное и финальное многоточия», а также «графическую нерасчлененность (отсутствие графических пробелов)»⁷. Среди стихотворений Г. Иванова обнаружено около 70 текстов, обладающих теми или иными обозначенными чертами.

Так или иначе все указанные признаки фигурируют и в поэзии С. Чудакова. Вместе с тем его стихи трудно отнести не только к модификации данного жанра, но даже к его «мутации»:

¹Бродский И.А. На смерть друга // Бродский И.А. Холмы: Стихотворения. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 412–413.

²По свидетельствам современников, С. Чудаков писал статьи за известных кинокритиков, публикуя их под чужими именами.

³Чудаков С.И. Колёр локаль. М.: Культур. революция, 2008. С. 11.

⁴Иванов Г.В. В громе ваших барабанов... // Иванов Г.В. Собр. соч.: в 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 1. С. 557.

⁵Чудаков С.И. Женщина сказала: «брошена»... // Чудаков С.И. Колёр локаль. С. 60.

⁶Иванов Г.В. Указ. соч. С. 274.

⁷Зейферт Е.И. Неизвестные жанры «золотого века» русской поэзии. Романтический отрывок: учеб. пособие. М.: Флинта, 2014. С. 45.

до такой степени радикально переосмыслена в них традиция. Данное обстоятельство заставляет взглянуть иначе и на поэзию Г. Иванова – с точки зрения не формы, а ее онтологического статуса: как на одну из реализаций метафоры «распада», ставшей лейтмотивом всего эмигрантского творчества поэта. Подобное представление, по-видимому, получило дальнейшее развитие в лирике С. Чудакова, где тенденция к «расщеплению» поэтического вещества достигла своего апогея, одновременно с этим высветив истинную природу фрагментарности поэзии Г. Иванова.

Понимая под *рамкой* «границу, отделяющую художественный текст от нетекста» [5, с. 264], Ю.М. Лотман отмечал: «Рамка литературного произведения состоит из двух элементов: начала и конца» [5, с. 268]. Отсутствие указанных элементов или сведение их к минимуму, таким образом, является концептуально значимым, поскольку «структура пространства текста становится моделью структуры пространства вселенной, а внутренняя синтагматика элементов внутри текста – языком пространственного моделирования» [5, с. 275]. Заглавие – работающий на читательский «горизонт ожидания» (термин Г.Р. Яусса, цит. по: [6]) компонент рамочного текста – в поэзии Иванова и Чудакова отсутствует столь регулярно, что озаглавленные стихотворения приобретают вид аномалии, редкого исключения. «Роман без конца и без названия»⁸ в данном случае оказывается ближе к самохарактеристике, чем к бытовой детали.

Характерны для Г. Иванова и С. Чудакова стихотворения, первые строки которых пред-

ставляют собой словно продолжение некой мысли или разговора. Начальными элементами при этом могут выступать частицы «только», «это», «ну», «не», союзы «и», «а» и т. д. (ср.: «А еще недавно было все, что надо...»⁹; «Это только бессмысленный рай...»¹⁰; «Ну мало ли что бывает?...»¹¹ у Г. Иванова и «Это все не чужие картинки...»¹²; «А бывает Каина печаль...»¹³; «Но я еще найду единственный размер...»¹⁴ у С. Чудакова). Оба поэта также активно используют графический «эквивалент текста» [7, с. 24], или пропуски. В случае С. Чудакова подобные «лакуны» иногда объясняются чисто техническими причинами: «...писал на чем попало – на оберточной бумаге, на уворованных (у приятелей или из “Ленинки”) книгах, а то и просто надиктовывал их по телефону...» [3, с. 302]. Однако внешняя обусловленность не отменяет намеренности метода, сообщая ему некую фатальную завершенность.

Новаторство Чудакова в области фрагментарности реализуется в т. ч. и на синтаксическом уровне. Визуально это проявляется в практически тотальном отсутствии каких-либо знаков препинания (хотя грамотность автора не вызывает сомнений: достаточно взглянуть на его критические статьи). На содержательном уровне можно выделить частый «распад» синтаксических связей: текст строится по принципу коллажа, а строки нередко представляют собой набор слов, связанных только ассоциативно (иногда еще фонетически). «Хорошо или плохо жемчужина / Эта устрица просто больна...»¹⁵; «режь его за то что режь его / шелест

⁸Иванов Г.В. Еще я нахожу очарованье... // Иванов Г.В. Указ. соч. Т. 1. С. 383.

⁹Там же. С. 434.

¹⁰Там же. С. 514.

¹¹Там же. С. 430.

¹²Чудаков С.И. Колёр локаль. С. 145.

¹³Там же. С. 61.

¹⁴Там же. С. 132.

¹⁵Там же. С. 52. (Как представляется, данный текст посвящен Г. Иванову, т. к. содержит имплицитные цитаты жизни и творчества поэта, однако тема данной статьи не позволяет остановиться на этом подробнее.)

*шорох страшен...»*¹⁶; «*Не подчинюсь не примем во вниманье / Дрожанье глаз дыханье и касанье / Переверните мир одной ресницей / Друг сумасшедший брат мой бледнолицый»*¹⁷. Одно из объяснений подобной раздробленности текста содержится в другом стихотворении Чудакова:

Сумасшедшие свой бред
Почерпнули из газет
Как неправильный набор
Психбольницы коридор
Отмечает каждый псих
Мелкий шрифт от сих до сих
Человек на перепутье?
Просто строчки перепутаны¹⁸.

«Обвинение» газет возникает здесь неслучайно: зачастую «распад» смысловых связей используется Чудаковым для выявления абсурдности официального советского дискурса¹⁹ и служит ему своеобразной формой протеста: «...*продайте родителя убейте руководителя / абонементные книжечки приобретайте у водителя...»*²⁰; «*Сейчас проснувшись должно ощущать / Увеличенье утренник утроба / клмнопрст – уфхцщщщ»*²¹. В последнем примере ирония над официальным стремлением к «упорядоченности» проявляется в нарочито бессмысленном перечислении словарных статей в алфавитном порядке («*увеличенье утренник утроба*»: первые два слова – частотные в советском дискурсе), а затем и просто букв алфавита²². Хотя параллель с современной Чудакову неофициальной поэзией здесь более

очевидна, нельзя забывать о Г. Иванове, предвосхитившем в собственном творчестве рефлексию о «бесмыслице» не только официального языка, но и основополагающих нравственных ценностей:

Я слышу – история и человечество,
Я слышу – изгнание или отечество.

Я в книгах читаю – добро, лицемерие,
Надежда, отчаянье, вера, неверие...²³

Нигилизм позднего Г. Иванова, неоднократно отмечаемый исследователями, проявляется здесь в «уравнивании» противоположных категорий – «добро» и «лицемерие», «вера» и «неверие» становятся контекстными синонимами, взаимно обесмысливая друг друга в ситуации перечисления: «*Где все, навсегда потеряло значение...»*²⁴ Сближает Иванова с Чудаковым указание на «виновника» подобной бессмысленности – на эпоху, в которой даже собственное «я» поэта становится объектом распада:

...Но слышу вдруг: война, идея,
Последний бой, двадцатый век...
И вспоминаю, холодея,
Что я уже не человек,

А судорога идиота,
Природой созданная зря, –
«Урра!» из пасти патриота,
«Долой!» из глотки бунтаря²⁵.

В «Распаде атома» данный «вербально-аксиологический» нигилизм достигнет своего апогея: делается вывод, что «все слова одинаково жалки и страшны»²⁶. Поэтика коллажа,

¹⁶Чудаков С.И. Женщина сказала: «брошена»... // Чудаков С.И. Указ. соч. С. 60.

¹⁷Чудаков С.И. Вот жизнь постигнута прозрачные песчинки... // Чудаков С.И. Указ. соч. С. 129.

¹⁸Там же. С. 85.

¹⁹К данному приему также будут активно прибегать «лианозовцы».

²⁰Чудаков С.И. Спорная добыча полководца... // Чудаков С.И. Указ. соч. С. 21.

²¹Чудаков С.И. Не иллюстрации крапленая корректность... // Чудаков С.И. Указ. соч. С. 53.

²²Напрашивается ассоциация с известным стихотворением Вс. Некрасова: «к / п / р / с / т / ф / х / ц / ч / ш / щ / что / вы так испугались». См.: Некрасов Вс. Н. Избранные стихотворения. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/nekrasov1-3.html> (дата обращения: 24.02.2017).

²³Иванов Г.В. Указ. соч. Т. 1. С. 262.

²⁴Там же.

²⁵Иванов Г.В. Иду – и думаю о разном... // Иванов Г.В. Указ. соч. Т. 1. С. 386.

²⁶Иванов Г.В. Распад атома // Иванов Г.В. Указ. соч. Т. 2. С. 7.

нарочитого «сталкивания» лозунгов с целью их взаимного обесмысливания проявилась и здесь, воплотившись, по замечанию Е.Д. Гальцовой, в «уродство политическое, совершенно очевидное в первоначальном замысле, согласно которому “Атом” должен был кончатся иначе: “Хайль Гитлер, да здравствует отец народов Великий Сталин, никогда, никогда англичанин не будет рабом!”», как признается Георгий Иванов в одном из писем (29 июля 1955 г.) к Роману Гулю, и, более того, он добавляет: “Выбросил и жалею!”» [8, с. 109–110].

В условиях агрессивного, разрушительного века, с его стремлением привести всякую индивидуальность, инаковость к единому знаменателю, склонность к «распаду», болезненность, хрупкость у поэтов выступают также неотъемлемым свойством личности и погибшей культуры вообще. Здоровье и самоуверенность, напротив, становятся приметами «толстокожего» человека масс – «хама», если вспомнить Д. Мережковского: «Одно из свойств мирового уродства – оно представительно»²⁷. Только подобные люди могут чувствовать себя гармонично в ситуации непрерывного «социального эксперимента».

С. Чудаков реализует указанную метафору, сравнивая своего лирического героя с подопытной крысой: «Мало воздуха в банке: включили насос / На зверьке поднимается шкура / Лаборантка в блокнот записала вопрос / Молодая здоровая дура»²⁸. Культура безвозвратно ушедшей России также предстает в стихах поэтов беспомощной: «В измереньи божеского срока / На расхристе дьявольских стихий / Догорят в библиотеке Блока / Пушкина бессильные стихи...»²⁹

Как отмечают исследователи, в данном стихотворении «история прошедших с момента смерти Пушкина полутора веков сжимается до двух узловых точек – его физической смерти и неизбежного выветривания следов его влияния у поэтов следующих поколений, связанного с неизбежным концом “старой России”. На последнем этапе водоразделом выступает пожар в усадьбе Блока (1921) – отсроченное следствие революционного перелома. “Бессильные” стихотворения Пушкина в этом отрывке “отвечают” за всю уходящую культуру XIX столетия, неспособную сопротивляться приближающейся кровопролитной эпохе...» [2].

Подобное представление демонстрирует читателю и «Распад атома»: «Пушкинская Россия, зачем ты нас предала?»³⁰ Рефлексия о бессилии искусства в новом историческом пространстве становится лейтмотивом творчества авторов: «Художников развязная мазня, / Поэтов выпренинная болтовня... / Гляжу на это рабское старанье, / Испытывая жалость и тоску...»³¹; «Сонет погиб там брезжила одна / Смешная мысль но выйдет современной / Забыть ее другие времена / Другой ориентир для песнопений / Так заслонимся створками окна / От шабаша наивнейших растлений / Стань шкурой кисть стань холст пучками льна / В костер сонет и не рождайся гений...»³² Вдохновение, по Чудакову, теперь не более чем «шабаш наивнейших растлений». В не так давно обнаруженной «Китайской» поэме поэту предлагается застрелиться, ведь вывески нового времени «прекраснее» стихов:

Дверь не работает, вход за углом.
ПИВО НЕТ.
Просьба дрожжей из кружек
на панель не выливать.

²⁷Иванов Г.В. Распад атома // Иванов Г.В. Указ. соч. С. 6.

²⁸Чудаков С.И. Поднимаешь бокал и еще пошалишь... // Чудаков С.И. Указ. соч. С. 58.

²⁹Чудаков С.И. Все четвертьтона и полумеры... // Чудаков С.И. Указ. соч. С. 47.

³⁰Иванов Г.В. Распад атома // Иванов Г.В. Указ. соч. С. 32.

³¹Иванов Г.В. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. С. 368.

³²Чудаков С.И. Не слишком я люблю четвертьтона... // Чудаков С.И. Указ. соч. С. 51.

Реставрация зеркал. Изготовление зеркал
по размерам заказчика.
Вывески прекраснее стихов.
Поэт, застрелись³³.

Намеренный отбор самых «ярких» вывесок, каждая из которых заключает в себе абсурд, выступает проявлением авторской иронии и вместе с тем создает портрет коллективного субъекта эпохи – человека, для которого погибшая «пушкинская» культура никогда не существовала и утраты которой, следовательно, он никак не почувствовал. Природа сил, приведших данного человека на авансцену истории, у поэта не вызывает сомнений:

Ты не сделал ничего
Не расслышан и не понят
Сколько их, куда их го-
Сколько их, куда их гонят...³⁴

Помимо Достоевского, в свою очередь также ссылавшегося на Пушкина, инфернальные ассоциации с новой властью присутствуют и у Г. Иванова:

Я научился понемногу
Шагать со всеми – рядом, в ногу.
По пустякам не волноваться
И правилам повиноваться.
Встают – встаю. Садятся – сяду.
Стозначный помню номер свой.
Лояльно благодарен Аду
За звездный кров над головой³⁵.

В четверостишии С. Чудакова обращает на себя внимание все то же на первый взгляд ничем не мотивированное «столкновение» пушкинской цитаты с размышлениями о собственной судьбе. Фрагментарность проявляется в недоговоренности при первом цитировании, которая приводит

к искажению цитаты. Подобные эксперименты характерны и для Г. Иванова в «Распаде атома» (см. «На холмы Грузии легла ночная мгла» и др.). Не случайно, по мнению исследователей, в нем воплотились предчувствия принципов поэтики постмодернизма, с его склонностью к коллажу «распавшихся» на цитаты текстов традиции [9, с. 88]. То же самое можно с уверенностью сказать и о стихах Чудакова.

Прочитывается метафора «распада» в произведениях поэтов и в буквальном смысле – как физическое разложение: «Сладковатый тлен – дыхание мирового уродства – преследует меня, как страх»³⁶. В связи с этим частотными в творчестве Иванова и Чудакова становятся мотивы смерти, гниения, тления и т. д.: «... *От гниющих цветов, как от падали, / Тяжело становилось дышать...*»³⁷; «*Ботинки истлевают на ногах / ног хватит в целом лет еще на сорок / доказано что вещи это морок / а человек – живой упругий прах...*»³⁸; «*В сложном щебете мартовских птах / Бродит смерть как последняя лажа / Будет съемка обратная прах / Анти-снег крематорская сажка*»³⁹.

Для позднего Г. Иванова при этом становится весьма характерным лирический герой, говорящий о себе «с того света»: «*Теперь, когда я сгнил и черви обглодали / До блеска остов мой и удалились прочь...*»⁴⁰ Объяснение этому отчасти дает изложенное Г. Ивановым в статье «Без читателя» понимание особого статуса русской эмигрантской литературы: «...самый простодушный из нас “блажен”, “заживо пьет бессмертие” и не только вправе – *обязан*

³³Чудаков С.И. Оставшись летом в Москве, подражаю китайским авторам. Поэма в 30 четверостишиях // Знамя. 2015. № 10. URL: <http://znamya.litiz.ru/publication.php?id=6053> (дата обращения: 24.02.2017).

³⁴Чудаков С.И. Чем подорван организм?... // Чудаков С.И. Указ. соч. С. 23.

³⁵Иванов Г.В. Указ. соч. С. 390.

³⁶Иванов Г.В. Распад атома // Иванов Г.В. Указ. соч. Т. 2. С. 7.

³⁷Иванов Г.В. Листья падали, падали, падали... // Иванов Г.В. Указ. соч. Т. 1. С. 429.

³⁸Чудаков С.И. Указ. соч. С. 146.

³⁹Чудаков С.И. Я иду и птицы поют... // Чудаков С.И. Указ. соч. С. 139.

⁴⁰Иванов Г.В. Указ. соч. С. 373.

глядеть на мир со “страшной высоты”, как дух на смертных...»⁴¹ Подобное осмысление собственной судьбы, по воспоминаниям современников, было характерно и для С. Чудакова: «Он никогда и ни о чем не говорил при мне серьезно – ни со мной, и ни с кем. И только однажды, когда мы рассуждали о смерти, но тоже в его стиле – с шутками и анекдотами, он на какой-то момент задумался и тихо, но очень серьезно сказал: “Увы, я уже давным-давно умер”. 1965, может 1966 год» [3, с. 311].

В подобном ключе воссоздается поэтами и портрет современной им эпохи – эпохи «распада»: «*Не изнемог в бою Орел Двуглавый, / А жутко, унижительно издох...*»⁴²; «*А в мясорубку в синхрофазотрон / попасть всегда охотников до черта...*»⁴³ Наряду с «мясорубкой» центральной метафорой времени в стихах Чудакова становится крематорий:

Оркестр слепых калек музицирует в крематории
Советский TV ведет свои передачи
О как мы скверно горим торфяные брикеты истории
Чем дешевле эпоха тем дороже всегда переплатишь⁴⁴.

Рифма «истории» – «крематории» говорит сама за себя.

После «капитуляции» искусства перед эпохой «распада» только любовь и музыка оказываются для лирических героев Иванова и Чудакова тем, что данному распаду может противостоять. Именно любовь сохраняет индивидуальность героя в условиях «восстания масс». Вместе с тем у Чудакова мотив любви обретает трагическое звучание, ведь даже на это чувство оказали воздействие разрушительные импульсы времени: «распадается» все, в т. ч. и связи между героями:

любимая единственная лучшая
ты сохранилась
не спилась не вышла замуж
не участвуешь в демографическом взрыве
нет адреса нет телефона
на мокрый тротуар упадают снежинки
зачем⁴⁵.

«Сохранность» героини оказывается бесполезной (что подчеркивается рефреном «зачем» после каждой строфы) – «нет адреса нет телефона». В толпе «чудовища мильонголового»⁴⁶ встреча героев не смогла осуществиться. Таким образом, противостоя «распаду» личности героя, в то же самое время любовь только острее дает ему ощутить последствия эпохи тотального «распада»: «*Люди которым я должен деньги умирают / Женщины которых я любил дурнеют / А над Москвою осенние листья сгорают / И незримые зимние вьюги как призрак веют / Мне 30 лет я полон весь пустотою / Я разминуслся с одной единственной тою...*»⁴⁷

Для Г. Иванова любовь также имеет амбивалентную природу. Она может выступать залогом воскресения героя после смерти, обретения им первоначальной «целостности»:

Распыленный миллионом мельчайших частиц
В ледяном, безвоздушном, бездушном эфире,
Где ни солнца, ни звезд, ни деревьев, ни птиц,
Я вернусь – отраженьем – в потерянном мире.

И опять, в романтическом Летнем Саду,
В голубой белизне петербургского мая,
По пустынным аллеям неслышно пройду,
Драгоценные плечи твои обнимаю⁴⁸.

В то же время именно любовный конфликт становится отправной точкой «расщепления» сознания героя «Распада атома», благодаря чему

⁴¹Иванов Г.В. Без читателя // Иванов Г.В. Указ. соч. Т. 3. С. 539.

⁴²Иванов Г.В. Овеянный тускнеющей славой... // Иванов Г.В. Указ. соч. Т. 1. С. 397.

⁴³Чудаков С.И. Смешав привычно водку и вино... // Чудаков С.И. Указ. соч. С. 63.

⁴⁴Чудаков С.И. А в сером огне TV загробные тени кривил... // Чудаков С.И. Указ. соч. С. 138.

⁴⁵Чудаков С.И. Женщины, которых я изнасиловал... // Чудаков С.И. Указ. соч. С. 126.

⁴⁶Чудаков С.И. кристалл замерзшего вина... // Чудаков С.И. Указ. соч. С. 141.

⁴⁷Там же. С. 39.

⁴⁸Иванов Г.В. Указ. соч. С. 439.

он обретает способность видеть «изнаночную» сторону бытия, «мировое уродство»: «Но вот ты вобрала мой свет и ушла. И весь мой свет ушел от меня»⁴⁹.

Понимание музыки у Г. Иванова, в свою очередь, тоже противоречиво. С одной стороны, она бессильна помочь художнику и часто не только не мешает, но и способствует его гибели: «...Пушкин именье закладывал / Или жену ревновал. / И ничего не исправила, / Не помогла ничему, / Смутная, чудная музыка, / Слышная только ему»⁵⁰. Одновременно с этим именно музыка выступает оправданием испытаний, выпавших на долю поэта: «*Это музыка миру прощает / То, что жизнь никогда не простит...*»⁵¹ У С. Чудакова музыка также противостоит окружающему «распаду» и становится оправданием, но уже не страданиям поэта, а тем его действиям, где он проявляет себя в полном соответствии с той страшной эпохой, которой принадлежит:

...Когда почувствую касанье смертных крыл
Я доктору скажу, глаза смежив бесстрашно
Как пошло все, что я...

писал и говорил...

Но музыка была, не правда ли? – прекрасна⁵².

Таким образом, метафора «распада» пронизывает все творчество Г. Иванова и С. Чудакова, реализуясь не только на содержательном уровне, но и в самом характере построения художе-

ственного текста. В поэтике С. Чудакова данный принцип воплощается в т. ч. и в отсутствии знаков препинания, а также синтаксических и смысловых связей между словами. Чудаков выстраивает поэтическую речь по принципу соединения ассоциативно связанных лексем и высказываний. Фрагментарность лирики обоих поэтов явилась приметой времени – эры, когда идеалы и ценности «пушкинской» России оказались растоптаны человеком массы, в душе которого абсурд советского дискурса и системы в целом не породил трагического диссонанса.

В подобных исторических условиях даже искусство провозглашается Г. Ивановым и С. Чудаковым «бессильным» и «жалким». И все же в итоге именно оно становится оправданием испытаний и тотального одиночества, заставляющего их осмысливать своих лирических героев как принадлежащих к иному, вечному, измерению и отошедших в прошлое одновременно с лучшими образцами русской культуры. Ситуация культурного «вакуума», отсутствие какой бы то ни было надежды на понимание со стороны читателей-современников во многом предопределили отказ поэтов от заглавий, традиционно призванных настроить читателя на необходимую «волну», а стихотворения уподобились обломкам кораблей, погибших в водовороте новой эпохи.

Список литературы

1. Чагин А.И. Пути и лица. О русской литературе XX века. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2008. 600 с.
2. Корчагин К. Проклятый поэт эпохи синхрофазотронов (Рец. на кн.: Чудаков С. Колёр локаль. М., 2008) // НЛО. 2009. № 99. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/99/kk26.html> (дата обращения: 24.02.2017).
3. Сергей Чудаков: Справка по личному делу / сост. и коммент. И. Ахметьев, В. Орлов. М.: Культур. революция, 2014. 512 с.
4. Семина А.А. Модификации жанра отрывка в лирике Георгия Иванова и Бориса Рыжого // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2017. Вып. 3. С. 179–189.
5. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.

⁴⁹Иванов Г.В. Распад атома // Иванов Г.В. Указ. соч. Т. 2. С. 10.

⁵⁰Иванов Г.В. Медленно и неуверенно... // Иванов Г.В. Указ. соч. Т. 1. С. 291.

⁵¹Иванов Г.В. Это месяц плывет по эфиру... // Там же. С. 298.

⁵²Чудаков С.И. Я знаю массу строк, банальных и пустых... // Чудаков С.И. Указ. соч. С. 120.

6. Яусс Х.Р. К проблеме диалогического понимания // Вопр. философии. 1994. № 12. С. 97–106.
7. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. М.: КомКнига, 2007. 184 с.
8. Гальцова Е.Д. На грани сюрреализма. Франко-русские литературные встречи: Жорж Батай, Ирина Одоевцева и Георгий Иванов // Сюрреализм и авангард. М.: ГИТИС, 1999. С. 105–126.
9. Басова Н.В. Концепция искусства в повести Г. Иванова «Распад атома» // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2008. № 2. С. 86–88.

References

1. Chagin A.I. *Puti i litsa. O russkoy literature XX veka* [Paths and Faces. On Russian Literature of the Twentieth Century]. Moscow, 2008. 600 p.
2. Korchagin K. Proklyatyy poet epokhi sinkhrofazotronov [The Cursed Poet of the Synchrophasotron Era]. *NLO*, 2009, no. 99. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/99/kk26.html> (accessed 24 February 2017).
3. Akhmet'ev I., Orlov V. (comps.). *Sergey Chudakov: Spravka po lichnomu delu* [Sergey Chudakov: Information on the Personal File]. Moscow, 2014. 512 p.
4. Semina A.A. Modifikatsii zhanra otryvka v lirike Georgiya Ivanova i Borisa Ryzhego [Modification of Extract Genre in Georgy Ivanov's and Boris Ryzhy's Lyrics]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 3, pp. 179–189.
5. Lotman Yu.M. *Struktura khudozhestvennogo teksta. Analiz poeticheskogo teksta* [The Structure of the Artistic Text. The Analysis of the Poetic Text]. St. Petersburg, 2016. 704 p.
6. Jauss H.R. K probleme dialogicheskogo ponimaniya [On Dialogic Understanding]. *Voprosy filosofii*, 1994, no. 12, pp. 97–106.
7. Tynyanov Yu.N. *Problema stikhotvornogo yazyka* [The Problem of Poetic Language]. Moscow, 2007. 184 p.
8. Gal'tsova E.D. Na grani syurrealizma. Franko-russkie literaturnye vstrechi: Zhorzh Batay, Irina Odoevtseva i Georgiy Ivanov [On the Verge of Surrealism. Franco-Russian Literary Meetings: Georges Bataille, Irina Odoyevtseva and Georgy Ivanov]. *Syurrealizm i avangard* [Surrealism and the Avant-Garde]. Moscow, 1999, pp. 105–126.
9. Basova N.V. Kontseptsiya iskusstva v povesti G. Ivanova "Raspad atoma" [The Concept of Art in G. Ivanov's Novel *Decay of the Atom*]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, 2008, no. 2, pp. 86–88.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.128

Anna A. Semina

Lomonosov Moscow State University;

Faculty of Philology, 1 Humanities Building, GSP-1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation;

e-mail: seminaaa@yandex.ru

“DECAY” IN GEORGY IVANOV’S AND SERGEY CHUDAKOV’S WORKS: THE GENETICS OF FRAGMENTARINESS

This paper analyses the motif of decay in Georgy Ivanov's and Sergey Chudakov's works. In addition, the author explains why and in what way Chudakov was influenced by Ivanov. The affinity

---

For citation: Semina A.A. “Decay” in Georgy Ivanov's and Sergey Chudakov's Works: The Genetics of Fragmentariness. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 1, pp. 128–137. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.128

of these poets' worldviews is doubtless: in spite of living in the Soviet Union, Chudakov was virtually an internal emigrant, who had taken on the role of a superfluous man in Soviet society, while Ivanov was "the first white émigré poet". The inescapable loneliness and limited opportunities for publication to a large extent contributed to the fragmentariness of their lyric expression and to their leaving the majority of their poems untitled. Chudakov's poetics tends to apply the principle of collage, whereas the lines often represent a conglomeration of words linked either phonetically or by associations. "Decay" is interpreted by these poets as a leitmotif of the modern age, the time of hydrogen bombs and the revolt of the masses. In such conditions, the motifs of decay, fragility and sickness become inherent concomitants of the lost Pushkinian Russia and of the person for whom it is still important. In Chudakov's and Ivanov's poems, Soviet discourse is an object of parody, which is achieved by means of colliding various clichés and slogans in a single utterance and making them meaningless. The feeling of love is very important for Ivanov's and Chudakov's heroes, as, on the one hand, it allows them to preserve their individuality and surmount the physical death, and on the other, it lets them feel the results of the total decay and experience the seamy side of life. In Chudakov's poetry this motif takes on tragic overtones, as the hero fails to meet his heroine in a faceless crowd.

Keywords: *Georgy Ivanov, Sergey Chudakov, motif of decay, fragmentariness.*

Поступила: 01.03.2017
Received: 1 March 2017